

«МИРОВЫЕ ОБРАЗЫ И ТЕМЫ В НОВОЙ УКРАИНСКОЙ ПОЭЗИИ (ЛЕСЯ УКРАИНКА)»

Праця «Мировые образы и темы в новой украинской поэзии (Лесья Українка)», що зберігається в Центральному державному архіві-музеї літератури і мистецтва України, не була включена автором цих рядків до збірника Миколи Зерова «Українське письменство» (2006) через її незавершеність. Оприлюднення чернетки «Мировых образов...» улесезнавчому виданні найлогічніше – хоча б тому, що вона з одного боку, доповнює список праць М. Зерова, присвячених Лесі Українці, з іншого – дозволяє зазирнути в творчу лабораторію вченого.

Рукопис «Мировых образов...» датовано 26 вересня 1917 р. Вказано і місце його виникнення – Новомиргород. Це місто розташоване поблизу Златополя, куди в серпні 1914 р. М. Зеров після закінчення Київського університету приїхав викладати в чоловічій гімназії історію. У Златополі, вважає С. Білокінь, М. Зеров пробув до весни 1917 р.¹ В. Панченко пише, що «Златопіль Микола Зеров покинув раптово, невдовзі після початку нового навчального року. Була осінь 1917-го...»². Хоч би там як, «Мировые образы...» пов'язані з учительською діяльністю М. Зерова. Про це свідчить, скажімо, друкована «Программа», що включає питання, які слід було висвітлити, – від пункту про українську літературу I половини XIX ст. до пункту про місце Лесі Українки в історії нової української літератури. Свідченням того, що «Мировые образы...» могли бути конспектом лекції, є скорочення в рукописі (ми їх розкриваємо в квадратних дужках). Ряд цитат із творів Лесі Українки вирізано з якоїсь книжки і наклеєно на аркушах рукопису («Хотіла б я уплисти за водою...», «Єрміє, зловісний пророче...», «У дитячі любі роки...», «Усе

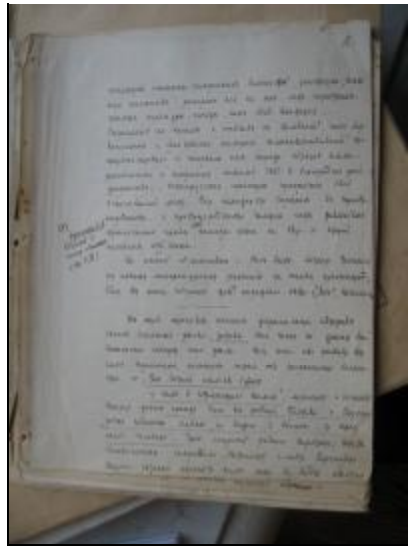
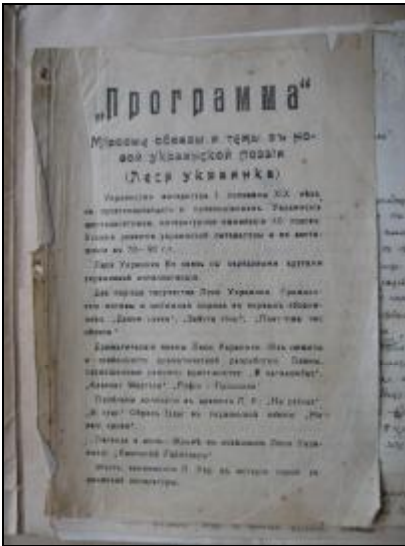
¹ Білокінь С. Микола Зеров / С. Білокінь // Наш сучасник Микола Зеров. – Луцьк : [б. в.], 2006. – С. 215.

² Панченко В. Микола Зеров: три літа в Златополі / В. Панченко. – Луцьк, 2006. – С. 239.

одбивається в пісні...»). Інші цитати, очевидно, давалися з пам'яті, тож у них трапляються пропуски строф, приписування слів одного героя іншому; є певні зміщення в датуванні. Про конспективність «Мировых образов...» свідчить і остання сторінка рукопису, де просто подається перелік творів, про які збирався говорити М. Зеров: «Ізоolda Білорука», «Лісова пісня», «Камінний господар», «Saxi fraga».

Публікуючи «Мировые образы...», ми вписуємо ще одну сторінку в ранній період життя і діяльності М. Зерова, яка допомагає простежити процес формування його світогляду, смаків і вподобань.

Микола Сулима

Автограф М. Зерова

Центральний
державний архів-музей
літератури і мистецтва України
Ф. 28. – Оп. 1. – Од. зб. 47

«ПРОГРАММА»

**Мировые образы и темы в новой украинской поэзии
(Леся Украинка)**

Украинская литература I половины XIX века, её простонародность и провинциализм. Украинские шестидесятники, литературное оживление 60 годов. Условия развития украинской литературы и её достижения в 70–90 г.г.

Леся Украинка. Её связь с передовыми кругами украинской интеллигенции.

Два периода творчества Леси Украинки. Гражданские мотивы и интимная лирика её первых сборников. „Давня казка”, „Забута тінь”, „Поет під час облоги”.

Драматические поэмы Леси Українки. Их сюжеты и особенности драматической разработки. Поэмы, посвящённые раннему христианству: „В катакомбах”, „Адвокат Мартіян”, „Руфін и Прісцілла”.

Проблема личности в драмах Л[еси] У[краинки]: „На руїнах”, „В пущі”. Образ Иуды в украинской поэзии: „На полі крови”.

Легенда о Дон-Жуане в освещении Леси Украинки: „Камінний господар”.

Место, занимаемое Л[есею] Укр[аинкой] в истории новой украинской литературы.

Новомиргород

26. IX. 1917.

**Мировые образы и темы в новой украинской поэзии
(Леся Украинка)**

Новая украинская литература, это даже для просвещенного читателя «прекрасная незнакомка», имеет за собою уже 120 лет самостоятельного существования. 120 лет – срок немалый и многое

изменилось в ней, выросло и развилось за это столетие. _____ Началом её принято считать 1798 год, когда впервые появилась в печати издан[ная] в Петерб[урге] «иждивением» конотопского шляхт[ича] Максима Парпуры первые 3 песни Вергилиевой Энеиды, на малороссийский яз[ык] перелицованной полтавским уроженцем, сыном магистр[атского] чиновника Ив[аном] Котляревским. Новое изд[ание], как значилось на заглавном листе, посвящалось «любителям малоросс[ийского] слова», – и действительно, эта живая и талантливая поэма, где в пестрой смеси (?) мелькают забавные пародии и жгучие сатирические картины, где слиты воедино и непритязательный юмор и серьезное подчас раздумье – эта поэма, разрывая со старой литературной традицией переполненным славянизмами языком и искусственностью литер[атурной] формы, одухотворила, возродила, к новой жизни призвала украинское слово.

XVIII в. был роковым веком для укр[аинской] народности. На протяжении полустолетия (1734–85) уничтожены были последние остатки прежних вольностей, уничтожено «самое имя гетманов», разорены или на нов[ый] лад перестроены старые культурн[ые] гнезда, как Киевск[ская] Академия...

Стремление к чинам, «особливо к жалованию», как выр[ажалась] Катерина, «свойственное малоросс[иянам] самопожертвование» денационализировало и оторвало от народа образов[анные] классы – духовенство и старшину, пожалов[анную] [в] 1785 [г.] в благородное росс[ийское] дворянство... «Южнорусская культура прекратила свой естественный рост. Укр[аинская] народность скрылась в простонародности, а простонародность замерла под давлением крепостного права», * которое устан[овилось] на Укр[аине] со второй половины XVIII века.

В такой обстановке и был дан Котляр[евским] толчок к новому литературному развитию на основе простонародн[ости], введ[ение] в литер[атурный] оборот дет[алей] простонародного быта. (Эней, Наталка).

---

* Ефименко А. Я. Котлярев[ский] в истор[ической] обстановке. – Юж[ная] Р[усь]. [– 1905. – Т.] II.

В перв[ых] произвед[ениях] ранних украинских авторов силен элемент развл[ечения], забавы. Они точно не знают всей важности соверш[аемого] ими дела... Нац[иональное] созн[ание] развито еще слабо. Временами мелькнет сожал[ение] об утраченных вольностях:

– «Так вічної пам'яті, бувало

У нас в гетьманщині колись», –

мелькнет и погаснет. Котляр[евскому] дорога прежде всего его родная Полтава и Ворскла – «річка невеличка, славна не водою, а войною, де швед поліг головою», Греб[енка] – патриот родного Пирятина, Квитка-Основьяненко, старожил, летописец и поэт Харькова. Национ. сознание является нам пока в виде местного так сказать патриотизма.

С течением времени горизонты расширяются. Появляются этногр[афисты] и романтики с их созн[ательным] интересом к поискам народного духа. Костом[аров] переводит на укр[аинский] язык Байрона, Шевченко прививает политическую сатиру – появляется укр[аинское] славянофильство, явление дов[ольно] своеобразное, – пробуждаются и первые мечты о свободе национально-культ[урного] развития в рамк[ах] Федер[ации] всех слав[янских] народов, – круг идей, связанный с именем Кирилло-Мефод[иевского] братства, так безжалостно разгромленного в 1847 г.

Новое литер[атурное] оживл[ение] относит[ся] уже к концу 50 годов и стоит в связи с «демокр[атическими] реформ[ами]» царств[ования] Алекс[андра] II, в особенности с его крест[янской] реформой.

На первый план выдвигаются нов[ые] задачи.

«Народ освобожден, но счастлив ли народ?» – вот вопрос, кот[орый] вм[е]сте с Некр[асовым] повторили и укр[аинские] народн[ики] 60 годов.

Заботы о грамотн[ости] и воскр[есные] школы с укр[аинским] яз[ыком], первые буквари (Кулиш, Гатцук, Шевченко), „щотниці”.

Расширение литер[атурной] продукции. Журнал «Основа», оживл[ение] науки – истор[ия], этнография (Рудченко, Антонов[ич], Чубин[ский], Номис), истор[ико]-геогр[афическое] общество (Русов и Лысенко). Первые идеологии: Костомаров и его «две народности».

Семидесятые и 80 гг. – раскол: «Стара Громада» и Драгоманов.

«Украинофилы». Костомаров и его задачи украинофильства.

«Украинцы». Драгоманов – истор[ик] и этнограф, сотруд[ник] Реклю, публицист и практ[икующий] полит[ик], один из организаторов освобод[ительного] движ[ения] всей России. Драгоманов станов[ится] представ[ителем] полит[ических] групп укр[аинской] интеллигенции.

Его скитания: Киев, Женева, Львов, София. См. 1895 +

1. Демократ на Укр[аине] долж[ен] быть укр[аинцем], укр[аинец] долж[ен] быть демокр[атом].
2. Автономия
3. Национ[альная] культура должна усвоить евр[опейское] сод[ержание].

Проповедник европеизма, перв[...] и толков[атель] евр[опейских] социалистов и радикалов (Маркс, утописты, «Рай и прогресс», Дрэпер и т. д.).

Отзвуки Драгоманова в литературе. Переводы древн[их] евр[опейских] классиков (Франко, Старицкий), новые темы и настроения.

Драгоманов становится идеологом укр[аинского] движения и отцом иной нац[иональной] литературы.

Леся Українка – одна из видн[ых] предст[авительниц] нов[ого] лит[ературного] движения.

Л[еся] У[краинка] (Лар[иса] Петр[овна] Косач-Квитка) принадлеж[ала] к одной из зам[ечательных] сем[ей] в истории укр[аинского] движ[ения]. Ее мать Ол[ена] Пчілка – изд[ательница] «Рідного краю», ее родной дядя – Драгоманов.

Она родилась в самом сердце укр[аинского] движения 72 г. и выступила впер[вые] в печати двенадцатилетней девочкой.

«Молоденька, слабосила і хвора, але міцна духом, одна з тих прекрасних душ, що здатні, раз загорівшись святим огнем мрії, горіти ним все життя»^{*}.

Этот контраст и надо помнить, вникая в творчество, слабое еще с детства здоровье, постоянн[ое] преб[ывание] в постели, а иногда и операционн[ый] стол – и вместе с тем необ[ъятная] энергия духа, почти героическая энергия и глубокая культурность, «впитанная с молоком матери».

Первые произвед[ения] Л[еси] Укр[аинки] относятся к концу 80 и самому началу 90-х годов.

Это неб[ольшие] лирич[еские] поэмы, несколько растянутые стихотв[орения] на разные темы [в] непосредственной лирич[еской] форме. Они собраны в трех ее сборниках:

«На крилах пісень», 1892 Львів

«Думи і мрії», 1899 —

«Відгуки», 1902 —

С 1902 года Л[еся] Укр[аинка] непосредственно уходит в драматич[ескую] литер[атуру] – начат 2 пер[иод] ее творчества, грани которого – 1903–1913 гг.

В лирике ранней лирики Л[еси] Укр[аинки] преобл[адают] гражданские мотивы^{**}. Но в отличии от надрывн[ого] тона русс[кой] поэзии того времени – Надсона и от элементарности П[олонского] Я[кова] – нота гражд[анственности] в поэзии Лесы Укр[аинки] звучит чрезв[ычайно] оригинально и сильно.

Из Франка: Единств[енный] сильный мужчина в укр[аинской] литературе, мужественный тон в оч[ень] молодом и незрелом.

«Contra spem spero».

Затем глаза поэтессы обращаются к родному народу:

---

^{*} Літературно-н[ауковий] в[існик]. – 1914. – [№] IX.

^{**} До тебе, Україно, бездольная мати,
Струна моя перша озветься.

І все-таки до тебе думка лине,
Мій занапащений, мій рідний краю;
– «Сором сліз, що ллються від безсилля»;
– «Що сльози там, де навіть крові мало».

Но даже картины рабства не наполняют отчаянием души поэтессы:

Так, ми раби, немає гірших в світі!
Феллахи, парії щасливіші від нас,
Бо в них і розум, і думки сповиті,
А в нас вогонь Титана ще не згас.
Ми паралітики з блискучими очима,
Великі духом, силою малі,
Орлині крила чуєм за плечима,
Самі ж кайданами прикуті до землі.

Ми навіть власної не маєм хати,
Усе одкрите в нас тюремним ключарам;
Не нам, обідраним невольникам, казати
Речення гордес: «Мій дом – мій храм!..»

Одвага наша – меч, політий кров'ю,
Бряжчить у піхвах, ржа його взяла.
Чия рука, порушена любов'ю,
Той меч із піхви видобуть здола?

Так хай же ми раби, невольники продажні,
Без сорому, без честі, – хай же й так!
А хто ж були ті вояки одважні,
Що їх зібрав під прапор свій Спартак?..

Ее герой Иеремия. В Иеремии усматривает она (правильно или нет?) несокрушимую силу духа. Кристаллич[ическая] гора горн[ого] хрустала, котор[ого] не пробьет никакой источник:

Хотіла б я уплисти за водою,
Немов Офелія уквітчана, безумна.
За мною вслід плили б мої пісні,
Хвилюючи, як та вода лагідна,
Все далі, далі...
І вода помалу
Мене б у легкі хвилі загорала,

Немов дитину в тонкий сповиток,
І колихала б, наче люба мрія,
Так тихо, тихо...

Я ж, така безвладна,
Дала б себе нести і загортати,
Пливучи з тихим, ледве чутним співом,
Спускаючись в блакитну, ясну воду
все глибше, глибше...

Потім би на хвилі
Зостався тільки відгук невиразний
Моїх пісень, мов спогад, що зникає,
Забутої балади з давніх часів...
В ній щось було таке смутне, криваве,
Та як згадати? Пісня та лунала
Давно, давно...

А потім зник би й одгук, –
І на воді ще б колихались тільки
Мої квітки, що не пішли зо мною
На дно ріки. Плили б вони, аж поки
В яку сагу спокійну не прибились
До білих водяних лілей, – там стали б...
Схилилися б над сонною водою
Берез плакучих нерухомі віти;
У тихий захист вітер би не віяв:
Спускався б тільки з неба на лілеї
І на квітки, що я, безумна, рвала,
Спокій, спокій... [;]

Єреміє, зловісний пророче в залізнім ярмі!
Певне, серце Господь тобі дав із твердого кришталю:
Ти провидів, що люд буде гнись у ворожій тюрмі, –
Як же серце твоє не розбилось од лютого жалю?

Як ти міг дочекатись, чи справдиться слово твоє?
Роєм стріли ворожі на Божее місто летіли, –
Певно, чарами ти гартував тоді серце своє,
Що на ньому ламалися навіть ворожії стріли!

По війні ти на звалищах міста лишився один,
І палкі твої сльози точили холодне каміння,
І луна розлягалась така серед смутних руїн,
Що найдаліші нащадки почули твоє голосіння.
Єреміє, ти, вічная туго, тебе не збагну:
Як же серце твоє не розбилось од лютого жалю?
Бо джерело гаряче і скелю зрива крем'яну.
Так, було твоє серце з твердого, міцного кришталю*.

Но помимо гражданских мотивов у Леси Укр[аинки] в ее ранней лирике звучат и иные мотивы – мотивы личные. Припомните, господа, намеченый мною выше контраст.

Училась дома, 1895 в Софии, 1896 – в Киеве работа в Литер[атурно]-арт[истическом] об[ществ]е. 1897 – операция, за которой последов[ало] еще несколько.

1900 здоровье пошатнулось снова. Л[еся] Укр[аинка] живет [то] в Закопаном, то в Италии, то на Кавказе. Усталость: «нема сили жити життям оранжерейної рослини» – Забуття.

«То була тиха ніч чарівниця»

«Ритмы»

Болезнь и страдания сделали Л[еся] Украинку чрезв[ычайн]о чуткой ко всякому страданию, у неё поразительный инстинкт, котор[ый] помогает ей найти страждущих там, где их не видят «равнодушные очи».

«Забятая тень»

Суворий Дант, вигнанець флорентійський,

Встає із темряви часів середньовічних.

Які часи, такі й його пісні [...]

Но в унылую пору средн[е]вековья] расцвели цветы высокой мистической любви. Беатриче. Три раза видел её Данте, но зато никогда её не забывал: ни скитаясь по аду, ни в раю, в краю,

---

* На крилах пісень. – Київське вид., 1903, стор. 247.

где жила душа поета, он не нашел иной подруги. Он увенчал её такой славой, какой не знала ни одна из женщин.

«– Чета бессмертная! И смерть была
на них не посягнула[...]»

Вывод: «У легендах стародавніх
справедливості немає...»

Инстинкт и чувство справедливости не присущи сказаниям, но они присущи бывают самой жизни. Шелли – «Озимандия».

Этот же мотив у Леси У[краинки:]

«Народу пам'ятник... хай гине цар».

Но особенно любит отмечать Леся У[краинка] черты героизма в малых и поверженных. В её стихах ценно такое автоб[иографическое] признание:

«У дитячі любі роки,
Коли так душа бажала
Надзвичайного, дивного,
Я любила вік лицарства.

— — — — —
Я дивилась на малюнках
Не на гордих переможців,
Що, сперечника зваливши,
Промовляли люто: “Здайся!”

— — — — —
Погляд мій спускався нижче,
На того, хто розпростертий,
До землі прибитий списом,
Говорив: “Убий, не здамся!” («Мрії»)

Сила духа все побеждает. Самое великое – в страдании:

«Завжди терновий вінець
буде кращий, ніж царська корона.
Завжди величніша путь
на Голгофу, ніж хід тріумфальний».
(«Терновий вінок», збірн[ик]).
[«Поэт» під час облоги» (осады):

«Усе одбивається в пісні, як в морі:
Рожевая зоря й червоная кров,
І темна ненависть, і ясна любов?
І племінь пожару, і місяць, і зорі...»

Тот же мотив с ещё большей силой в «Старой сказке»: дружба трубадура и графа и их расхождение. Поэт в темнице:

«Поет не боїться від ворога смерти,
Бо вільная пісня не може умерти».

Драматические произведения Л[еси] Украинки чрезвычайно многочисленны, иногда это монологи, иногда диалоги, чаще драматические поэмы, разрастающиеся на три, четыре и пять актов, иногда драмы в стихах.

Сюжеты Л[еси] Украинка берет отовсюду. Здесь и древний Египет, и Иудея, первые века христианства и средневековье, английская реформация и франц[узская] революция. Эта непринужденность в выборе сюжетов, часто экзотических, непринужденность, равную которой можно отыскать только у таких глубоко-культурных писателей, как Ан[атоль] Франс, часто смущала украинских критиков: творчество Л[еси] Укр[аинки] в посл[едствии] представлялось им отчужденным от жизни, оторванным от национальной почвы.

Такие упреки в высокой степени не справедливы, как бы ни были изысканны сюжеты Л[еси] Укр[аинки] в их разработке всегда чувствуется биение живой мысли, жизнь современной души, ищущей и тревожной. Я перечислю только некот[орые] сюжеты, по ним можете [судить] о широте умств[енных] запросов Л[еси] Укр[аинки] – «Катакомбы», «Кассандра», «Оргія», «На полі крові», «Ізоolda Білорука», «Лісова пісня» і последнее её произвед[ение] «Адвокат Мартиан», из жизни христ[ианской] общины III века.

6 языков – древние и 4 нов[ые], не говоря о польском и русск[ом].

Условия творчества. Последний период творчества гораздо более значим, но он протекал в неизмеримо худших условиях.

1907. Л[еся] Укр[аїнка] в Берліне, у проф[ессора] Израеля. Приговорили к смерти. Л[есю] Укр[аїнку] отправили в Египет и обещали ей 2 г[ода] жизни.

Проф. Израель не учел однако нервной силы, силы духа. Леся Укр[аїнка] прожила еще 6 л[ет], при том в неблагоприятных условиях, истощ[ающих] средствах, Л[еся] Укр[аїнка] принужд[ена] была дав[ать] уроки англ[ийского] языка, котор[ым] владела настолько, что писала стихи:

«Madame, vous devez tout esprit» (1912, в Киеве).

На Кавказе:

«Пишу в припадке умопомешательства»

+ 19 июля 1913.

---

1. Борьба за национальность. «Оргія»

2. Свобода и рабство. «Одно слово», рассказ старого якута.

«...я від того

вмираю, що у вас ніяк не зветься,
хоч єсть його без міри в вашім краю,
а те, від чого міг би я ожити,
не зветься теж ніяк, немає слова...»

«В дому роботи, в країні неволі». Два раба – еврей и вавилонянин.

3. Интересны поэмы, посвященные христианству. «В катакомбах». По мнению некоторых критиков, все они проникнуты антихристианским духом.

Раб неофит приходит в катакомбы «шукати волі». Его пленила та часть христианской пропов[еди], которая исповедует принцип: «ни пана, ни раба».

Он ждет, что христиане выступят с планом соц[иальной] революции, что ни один из них не станет мириться с господствующими, но деятельно будет участвовать в создании царства Божия на земле. Вместо ясной социальной программы он находит у христиан старые, как мир, слова о покорности, о доброжелательности, проповедь личного самоусовершенствования, оппортунизм по отношению к устойчивым социальным порядкам.

Они принимают невероятное для Неофита допущение, что святой триединый Бог дал

«...кесаря, і владу
преторіанську і патриціанську,
і владу над рабами багачів...»

Слова христиан «ми боремось в терпливості й покорі» представляются ему, выросшему в обстановке борьбы, надругательством над святым словом «борьба», кощунством.

Столкновение кончается разрывом. Неофит говорит:

«Хто зміряв шлях, обставлений хрестами,
що ми, раби, одвіку перейшли?»

Довольно – «кривавих жертв усім богам неправим,
та гине й досі за того царя,
що, кажеш ти, на рабство осудив нас...

... Доки буде слатись
під ноги їм, тиранам безтілесним,
богам безкровним, неживим примарам
живої крові дорога порфира?

... доволі з мене рабства на сім світі!

Я честь віддам титану Прометею,
що не творив своїх людей рабами,
що просвітив не словом, а вогнем,
боровся не в покорі, а завзято...»

Поэма богоборчества – другая поэма «Адвокат Мартиан» – поэма долга. Патрон всех обвиняемых за нечестие христиан римский юрист Мартиан, истинный христианин, готов на мученичество, но по требованию христ[ианской] общины, котор[ая] дорожит им как юристконсульту и юристу, должен все время таиться от людей, жить замкнуто, не сметь высказывать своих убеждений. Никто из семьи Мартиана, его любимые дети не выдерживают этой муки и уходят, – но старый юрист остается на посту – внешне спокойный и строгий, глубоко скрывающий свою внутреннюю драму.

В других драмах Леся Українка затрагивает вопрос об отношениях личности и коллектива, причем интересная черта – личность всегда оказывается более правой*.

Вавилонский полон. Конфликт пророчицы Тирцы и народа. Та разбивает наследственную арфу Иеремии. Уход в пустыню со словами

«Мене дух Божий найде сам в пустині, –
А вам ще довгий путь лежить до нього».

«У пущі» – трагедия талантлив[ого] скульптора Ричарда Айрона. Перед нами семья английских пуритан, «що хочуть відродити в собі старі християнські звичаї. Живуть в пушах Америки». Молодой Ричард учился в Венеции, приехал на родину, узнал там о гонениях на пуритан и вместе с ними решает выселяться в Америку. В героизме пуритан он видит материал для претворения в искусство. Но пуританам не нужно искусство. Оно является для них чем-то вроде идолопоклонства. Они требуют от Ричарда повин[ения] автор[итета] пастора и общины, отбирают его воск на свечи для молитв[енного] дома, разбивают его скульптуру, отымают у него друзей.

Мать и сестра отступают от него, отступает от него и влюбленная в него Дженни Кембль, но Ричард уходит от них, оставляет семью, сопровод[аемый] проклятиями.

В новых местах Ричард живет безбедно, без конфликтов, но понимания нет и здесь. Ричард поседел, измучился. Но вот с родины является смирившийся скульптор Джонатан.

«Гадаєте, що людські душі камінь,
що можна їх на підмурівки класти?
Гадаєте, що тільки людське тіло
боїться смерті, а живій душі
конать не страшно?»

---

*См. [Д.] Донцов. Поэзия индивидуализма. – У[краинская] Ж[изнь]. – 1913. – Кн. IX–X.

Предложение вернуться он отвергает. Он вспоминает, что у него племянник Деви – великий артист:

«Тепер він пам'ятатиме довіку,
що був колись у нього дядько Річард,
одважний, вільний і непримиримий,
покірний тільки правді і красі.

Не хочу я той спогад потьмарити...»

Ричард переміг. Джонатан вертається. «Силен тот, кто один».

Ричард победил, но он замечает, что то, ради чего он боролся, его талант, померк. Он потерял свободу творчества:

«Не б'є моя фантазія крилами...»

Был ли у него талант, он начинает сомневаться и в этом:

«А, може, все була одна мана?
І, може, то була не іскра Божа,
а вогник той, що над багном літає
і зводить подорожнього на безвість...»

Особенность драмат[изма] в произв[едении] – трагедия внутр[енняя].

Мессер Антонио:

У нас ви б стали другим Бонарроті
«І дорівняли б славі Донателла [...]»
«Коли ж мене покличе ангел Смерті?
Я чую, вже його не довго ждати...»

Образ Иуды «На полі крови». Андреев и Л[еся] Українка.

«Ізольда Білорука»

«Лісова пісня»

«Камінний господар»

«До чого дерзость»

Saxi fraga –